

С. В. ГРИНЕВ-ГРИНЕВИЧ

(Москва, Россия)

О ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИХ АСПЕКТАХ ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ

Рассматриваются терминологические аспекты формирующейся области знания, которую предлагается назвать *лингвополитологией*. Делается попытка представления структуры новой науки и содержания ее основных разделов. Отмечается, что, несмотря на очевидную необходимость учета терминологических аспектов языковой политики, в настоящее время нет оснований говорить о сознательном плановом подходе к вопросам развития языков. Однако в терминологии сформулирован ряд принципов содействия развитию языка.

Ключевые слова: языковое планирование, развитие специальной лексики, конструирование терминов.

Одним из наиболее актуальных направлений лингвистических исследований, как на Западе, так и в Восточной Европе в настоящее время становится языковая политика, включая языковое планирование. В России такие исследования проводятся в рамках социолингвистики, на Западе — социолингвистики, а также в рамках ряда близких дисциплин, таких, как лингвистическая и культурная антропология, политология и т. д. На Западе это новое направление считается чрезвычайно важным, но до конца не сформировавшимся, что находит отражение в терминологическом беспорядке и несовпадении соответствующих терминологий в разных языках [21]. Тем не менее, уже сейчас можно выделить основные направления, проблемы и положения этой науки. В настоящей статье мы ставим перед собой три задачи, свидетельствующие о широкой области пересечения терминоведения и теоретических оснований языковой политики:

(1) применить терминологические принципы в установлении системы базовых понятий данной области знаний и упорядочении их наименований;

(2) показать важность и необходимость терминологических аспектов языковой политики и, наконец,

(3) рассмотреть терминологические направления в управлении развитием национальных языков.

По мнению западных ученых, исследования в языковой политике как самостоятельной области знания насчитывают уже несколько десятков лет и начались в 1960-е годы с публикациями Э. Хаугена [28], и Дж. А. Фишмана [22], хотя известны и более ранние публикации К. Несая [31], и Э. Хаугена [27]. Тем не менее, и в настоящее время нет согласия даже в наименовании новой научной дисциплины, для которой разными авторами предлагаются термины: *языковая политика* [31; 35], *отношение к языкам* (*language treatment* — [32]), *языковое культивирование* [33], *языковая инженерия* (*language engineering* — [35]), *языковое планирование* (*language planning* — [27]) и *языковое управление* (*language management* — [30]).

С точки зрения терминоведения это нормальная ситуация на этапе формирования новой науки, отражающая различия в подходах и аспектах рассмотрения ее предмета. Как правило, большинство таких синонимично употребляемых названий в дальнейшем семантически дифференцируется и используется для наименования отдельных разделов новой области знания. С учетом этой тенденции и для установления более точных соответствий формы используемых терминов их содержанию можно предложить следующую систему понятий и их наименований в рамках данной области знаний. В качестве наименования формирующейся науки, призванной заниматься теоретическими основаниями языковой политики, мы предлагаем термин *лингвополитология*, образованный по модели наименования существующей близкой научной дисциплины *лингвокультурологии* и с учетом науки *политологии*.

Следует заметить, что в понимании *языковой политики* в Восточной и Западной Европе существует много общего. Определение этого понятия как “принятой системы выбора языковых вариантов и представлений или мировоззрений, связанных с этим выбором в языковой общности (размер которой может варьироваться от семьи до национальных государств и далее до многонациональных сообществ), реализуемых в речевой практике” [36], как “принятой концепции и политических действий, касающихся языка” [21] или как “совокупности идеологических принципов и практических мероприятий по решению языковых проблем в социуме, государстве” [9], предполагает два основных компонента — *языковую идеологию* и *языковое управление*.

Языковая политика может быть *внешней*, когда она занимается отношениями языков за пределами страны, или *внутренней*, когда она занимается отношениями языков и диалектов внутри страны. В первом случае под ней понимаются прямые или косвенные меры, способствующие утверждению и расширению позиции национального языка за пределами страны в его отношениях с другими языками; во втором — регулирование конфигурации языковых систем в пределах страны.

Языковая идеология, которая, по мнению ряда европейских исследователей [20; 37], может рассматриваться как самостоятельная наука в рамках лингвополитологии и антропологической лингвистики с чрезвычайно обширной проблематикой, пересекающейся с этнолингвистикой, социолингвистикой, дискурсивной лингвистикой и когнитивной лингвистикой, включает в себя, по нашему мнению, три компонента — (1) языковую стратегию, основанную на (2) экспертной оценке (3) языковой ситуации. Перечень видов языковых ситуаций, а также количественных и качественных признаков языковой ситуации приводится в работах А. Д. Швейцера, Л. Б. Никольского, Н. Б. Мечковской, В. А. Виноградова, В. И. Беликова, Л. П. Крысина [19; 4; 15; 2].

Под языковой стратегией понимаются явные или скрытые намерения государственных или общественных институтов в отношении существующих языков, реализуемые в языковом управлении. В ней может проявлять-

ся языковой плюрализм (интернационалистическая стратегия, предполагающая равноправие всех языков) или языковой национализм (националистическая стратегия, предполагающая привилегированное положение национального языка). Языковая стратегия может быть ретроспективной — направленной на сохранение существующей ситуации (поддерживание культуры речи, борьба с заимствованиями — ограничение числа заимствований, нормирование языка) и перспективной — направленной на развитие языка. Важным элементом языковой стратегии является языковая установка — языковая интенция, отношение к существующим идиомам и намерения в отношении них.

Языковое управление, по нашему мнению, следует понимать как мероприятия по управлению языковыми ресурсами. Оно существует в двух основных формах — корпусные мероприятия, затрагивающие материал идиомы, и статусные мероприятия, относящиеся к его статусу и функциям. В соответствии с языковой установкой оно может быть направлено на стимулирование развития языка (культивирование, поддержку языка) и торможение языкового развития (деструктивное управление). В первом случае оно предусматривает продвижение языка, которое может принимать формы языкового строительства, расширения его функций, иногда — возрождения, ревитализации языка и даже навязывания языка. Торможение языкового развития принимает формы задерживания развития языка, ограничения его функций и сферы употребления, прямого препятствования развитию языка, языкового нигилизма, а также уничтожения языка, его искоренения, вытеснения, языкового геноцида.

Языковое управление складывается из языкового планирования в прямом значении этого слова, языкового регулирования и оценки результатов практических действий [34, с. 2–3]. Языковое планирование — необыкновенно популярный и употребительный термин на Западе — зачастую используется в неоправданно широком значении, хотя еще в 1966 г. Эйнар Хауген в ряде публикаций представил образец достаточно конкретного языкового планирования. По нашему мнению, здесь, наряду с текущим планированием, важную роль играет долгосрочное языковое планирование, основывающееся на анализе тенденций изменения языка и предусматривающее языковое прогнозирование и подготовку квалифицированных кадров, в частности терминоведов и терминологов. Языковое регулирование традиционно включает в себя языковое нормирование (реформы орфографии и стандартизация терминологии), а также мероприятия по вытеснению заимствований.

Мы выдвигаем в настоящей статье два положения: что языковое планирование, во-первых, должно носить преимущественно лексический характер, а, во-вторых, что в настоящее время реального языкового планирования, в точном смысле этого термина, не существует.

Несмотря на усиленные попытки ряда лингвистических направлений XX века отвлечь внимание языковедов от проблем лексики с выдвиганием морфологического или текстового уровней языка как наиболее важных, слово было и остается центральной единицей языка. Как размерное, так и качественное развитие языка определяется, прежде всего, развитием сло-

варя, поскольку лексический уровень всегда был и является наиболее динамичным уровнем языковой системы. Более того, есть все основания предполагать, что уровень развития интеллекта, как в онтогенезе, так и в филогенезе (как отдельного человека, так и народа) может быть определен по объему словаря. Следовательно, сознательная языковая политика и, прежде всего, комплекс действий, относящийся к перспективной языковой политике, особенно языковое планирование, должно в первую очередь заниматься управлением развития лексики.

Необходимость в обращении внимания на управление процессами развития, прежде всего, специальной лексики обоснована достаточно давно [1].

Во-первых, как нами неоднократно отмечалось, бурный рост научно-технических знаний в наши дни отразился в том, что большинство новых слов, появляющихся в современных языках, составляет специальная лексика [5; 25; 24]. Рост числа терминов различных наук обгоняет рост числа общеупотребительных слов языка, и поэтому в настоящее время число терминов отдельных наук (химии, биологии) превышает число общеупотребительных слов языка. Мы можем сравнить следующие цифры: наиболее полная редакция словаря Вебстера содержит около 700 тысяч английских слов, в то же время только строительная терминология насчитывает свыше 150 тысяч лексем [5, с. 9], по последним данным Википедии, в целом биологическая номенклатура может достигать 100 млн. наименований; в химии известно свыше 1,5 млн. соединений. По данным В. М. Лейчика, в начале 1980-х годов в развитых странах производилось свыше 20 млн. продуктов, каждый из которых имел наименование. При этом все большее число терминов проникает в общеупотребительный язык, а терминологические проблемы оказывают все большее влияние на язык в целом, поэтому изучение положения в области специальной лексики становится все более важным для развития языка.

Тенденция стремительного роста объемов специальной лексики обусловлена тем, что, по данным науковедения, в среднем каждые 25 лет число научных дисциплин удваивается (по данным британской энциклопедии, в XX веке появилось около 2,5 тысяч новых наук и научных дисциплин). При этом каждая новая дисциплина нуждается в собственной терминологии, что приводит к лавинообразному росту числа терминологий и увеличению синонимии, омонимии и многозначности терминов, поскольку на начальном этапе развития терминологии основным способом образования терминов является заимствование их из смежных дисциплин. Недостаток внимания к стихийному росту терминологий и усложнение характера терминологических процессов могут привести к “терминологическому потоку” — положению, когда развитие специальной лексики станет неуправляемым.

Во-вторых, в последнее время развитие специальной лексики приобретает и политическое значение. Терминоведение должно учитывать глобализацию мирового пространства, включая промышленность, экономику, культуру и даже повседневную жизнь, что приводит к изменению условий жизни и взаимодействия национальных языков. Одним из политических факторов является уменьшение числа существующих языков. Согласно

данным ООН, к концу XXI века исчезнут около 2,5 тысяч из существующих 3 тысяч языков. По другим прогнозам, из 6800 существующих языков исчезнет 90 %, что дает примерно тот же результат [24; 23]. Директор Института исчезающих языков Свартмурского колледжа (Swarthmore College) в Пенсильвании д-р Дэвид Харрисон предсказывает исчезновение 90 % существующих языков уже к 2050 году. Эти заявления звучат трагично, но их причиной может быть терминологическая неграмотность или неряшливость, поскольку зачастую к языкам причисляются не только диалекты, но и говоры (наименьшая территориальная разновидность языка, являющаяся средством общения, преимущественно бытового, жителей одного села или (реже) нескольких — [10; 16]). Все источники данных о числе существующих языков отмечают невозможность точных данных в связи с неопределенностью границы между языком и диалектом.

Многие местные устные языки, являющиеся скорее диалектами, могут потерять статус языков (возможно, некорректно присвоенный). Например, в Дагестане часть таких не имеющих письменной формы языков, как *чамалинский*, *багвалинский*, *ботлихский*, *годоберинский*, *бежтинский*, *хваршинский*, *гунзибский*, *гинухский*, *арчинский*, *будухский*, *хиналугский*, на каждом из которых говорит менее 5 тысяч человек, вероятно, потеряют статус языка и будут рассматриваться как диалекты.

В современных условиях формирования новых государств можно наблюдать центристские тенденции, подобные наблюдавшимся в период формирования европейских государств в Новое время, когда на основе центрального диалекта формировались современные языки, а местные диалекты теряли свою значимость. Две возможные причины исчезновения малых языков — это сужение сферы применения и влияние близкородственного языка с исторически сложившимся широким спектром функций. Сохранение и развитие национальных языков требует сознательной взвешенной политики. Выход на международную арену вследствие распада СССР и Югославии ряда национальных языков вызвал ряд проблем. Некоторые из этих языков были не готовы служить средством официальной и научной коммуникации. Нередко часть населения новых государств не знала государственного языка и не видела необходимости в его изучении. В то же время в результате давления экстремистских националистических групп языковое законодательство принимало все более жесткие формы, зачастую заставляя тысячи людей покидать места, где они родились. Следует заметить, что неудачная языковая политика была причиной начала столкновений между Грузией и Южной Осетией уже в начале 1990-х годов.

Некоторые политические решения, касающиеся языковых вопросов новых государств, имеют сиюминутный характер при отсутствии представлений о естественных тенденциях развития языков и не могут дать существенных результатов. В ряде случаев лихорадочные попытки радикально изменить существующую ситуацию носят непредсказуемый характер. Конец XX века дал свидетельства злоупотребления национальными чувствами для получения политических или экономических выгод. В ряде новых языков заметны торопливые попытки не всегда продуманного введения новых

слов, замены интернациональных лексических форм национальными без учета возможных трудностей в международном сотрудничестве. В таджикском языке слова *студент, институт, университет*, которые стали общепонятными и широко использовались, были спешно заменены неудачными национальными формами, что привело ко многим неудобствам. Поэтому становится необходимой выработка объективных продуманных рекомендаций, основанных на анализе естественных языковых процессов и международного взаимодействия языков.

В-третьих, по сравнению с общеупотребительной лексикой, которая трудно поддается сознательным изменениям, специальная лексика поддается сознательному воздействию. Терминология, в частности, всегда является результатом соглашения специалистов относительно использования определенных названий понятий, принадлежащих соответствующей области знания. Поэтому специальная лексика, возможно, является единственной областью словаря, которая может сознательно изменяться и управляться. В ряде случаев возможна выработка правил создания новых терминов и упорядочения существующих. Существуют основания предполагать, что наиболее многочисленный слой специальной лексики, состоящий из номенов, большей частью может успешно регулироваться и развиваться по заранее установленным правилам. При этом терминология не только может быть, но и должна быть регулируема, поскольку развитие научных знаний и культуры человека в значительной степени зависят от состояния терминологии.

В-четвертых, некоторые лингвистические проблемы отчетливее всего наблюдаются в области специальной лексики, хотя здесь есть и свои специфические черты. Многие семантические процессы и явления, например, многозначность (полисемия) и омонимия, приобретают в терминологии совершенно иной характер. Терминоведы полагают, что такого явления, как многозначность, в терминологии не может быть, поскольку, если одна лексическая форма используется для называния нескольких специальных понятий, то вследствие четкой ограниченности и строгой определенности, свойственной научным и техническим понятиям, значения соответствующих терминов будут также четко отграничены и обособлены. Например, термин *морфология* имеет совершенно различные определения в лингвистике, геологии и анатомии. Поэтому такие формы следует считать не значениями одного термина, а омонимичными терминами.

В-пятых, исследования, направленные на выяснение способов установления закономерностей мышления и творческих открытий, законов развития человеческой цивилизации и стимулирования развития творческого мышления и науки, не могут быть успешными без анализа специальной лексики. Следует учитывать, что удачные термины могут способствовать развитию науки, а неудачные — тормозить развитие научных знаний. Еще большее влияние на развитие науки оказывает введение системы терминов. Так, создание М. В. Ломоносовым отечественной системы лингвистических терминов стимулировало возникновение отечественного языкознания. Установление К. Линнеем системы биологических наименова-

ний привело к необычайно бурному расцвету биологической науки в XVIII в., стимулировало аналогичные процессы в химии и явилось началом формирования современных наук, а также научного этапа эволюции сознания человека. Результаты современных антропологических исследований дают основания полагать, что существуют определенные соответствия между уровнем развития мышления и объемом используемого словаря. Поэтому вопросы терминологии должны быть решающими в стратегии языкового развития. Сознательная языковая политика и, в первую очередь, языковое планирование, должно прежде всего заниматься вопросами развития специального словаря.

Языковая политика должна быть сознательной, планомерной и основанной на знании языка. Уже первые в нашей стране терминологические стандарты, которые были отвергнуты специалистами, показали, по убеждению основателя отечественного терминоведения Д. С. Лотте, необходимость тщательного анализа и учета языковых тенденций. В любом элементарном учебнике можно прочитать, что планирование складывается из анализа тенденций, прогнозирования действий и их результатов, системных планов действий, анализа результатов действий и корректировки последующих планов. В первую очередь, системность и выдерживание технологии относится к языковому планированию. Как уже отмечалось, оно должно быть прежде всего нацелено на специальную лексику.

Между тем, практика показала, что при отсутствии единства в подходах обеспечить системность невозможно. Отдельные стандарты, в большом количестве и невысокого качества, были выпущены в 1960–70-е годы, когда главным было как можно быстрее стандартизовать как можно больше терминов. Более системной была предпринятая в 1970–80-е годы разработка информационных словарей, когда предварительно была поделена тематика понятийных областей и при разработке дескрипторных словарей частично упорядочивалась терминология. Однако при этом не было единой методики упорядочения лексики, а разные грамматические средства отдельных систем определяли различия в обработке и представлении специальной лексики; неизвестен в то время был состав и особенности стратификации лексики, не было квалифицированных терминоведов и терминологов.

Сейчас, по нашему убеждению, качество выпускаемых терминологических стандартов в большинстве стран бывшего СССР не намного лучше, а о системном подходе, когда все зависит от финансовых возможностей, и говорить не приходится. Можно утешаться тем, что в международном плане со стандартизацией дело обстоит не лучше, а даже хуже, поскольку в условиях свободного рынка роль планирования невелика. В условиях подготовки терминологических диссертаций, большинство из которых не имеет практического выхода, терминологическая теория и практика оторваны.

Одна из причин, по которым правительства игнорируют возможности развития национальной специальной лексики, заключается в невозможности точно измерить как экономические потери от неудачных торговых наименований, так и степень торможения научного развития от неудачной терминологии. Поэтому это направление деятельности, которое должно быть

одним из приоритетных направлений государственного финансирования и планирования, игнорируется и осуществляется силами незначительного числа энтузиастов. Между тем в терминоведении уже разработаны на основе сочетания теоретических исследований и практической работы некоторые принципы и практические приемы проектирования эффективных форм терминов и номенов, нашедшие отражение в работах П. В. Веселова, В. М. Лейчика, Т. Р. Кияка, Н. И. Кулиша, С. В. Гринева, Э. А. Сорокиной, посвященных структуре и конструированию терминов [3; 6; 7; 8; 11; 12; 13; 14; 17]. Существуют рекомендации по проектированию развития номенов, упорядочению словосочетаний, аббревиации, плановому конвергентному развитию лексики родственных языков [25].

Развитие терминоведения создает возможности рационального регулирования и развития национальной лексики языка. Однако существующая ситуация с языковой политикой и языковым планированием не только в недавно образованных, но и давно существующих государствах не дает оснований для оптимистических прогнозов по успешному использованию этих возможностей. Тем не менее, формирование новой дисциплины, имеющей большое теоретическое и практическое значение, можно рассматривать как важный шаг в развитии лингвистических знаний.

1. Будько Н. С. Процессом формирования терминов нужно управлять // Место терминологии в системе современных наук: Науч. симпоз. — М., 1970. — С. 17–22.
2. Беликов В. И., Крысин Л. П. Социоллингвистика. — М., 2001. — 439 с.
3. Веселов П. В. Структура терминов дефинитивного типа (на материале терминологии пластических масс и мягких искусственных кож): Дис. ... канд. филол. наук. — М., 1971. — 218 с.
4. Виноградов В. А. Языковая ситуация // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 616–617.
5. Гринев С. В. Введение в терминоведение. — М., 1993. — 309 с.
6. Гринев С. В. Перспективы и предпосылки упорядочения номенклатурных единиц // Научно-техническая терминология. — 1986. — Вып.10. — С. 1–5.
7. Гринев С. В. Принципы упорядочения технических номенклатурных единиц // Научно-техническая терминология. — 1987. — Вып.1. — С. 6–10.
8. Гринев С. В. Учет особенностей развития терминологии в образовании и заимствовании новых терминов // Проблемы разработки и упорядочения терминологии в академиях наук союзных республик. — М., 1983. — С. 133–142.
9. Дешериев Ю. Д. Языковая политика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 616.
10. Касаткин Д. Л. Говор. Диалект // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 110–111.
11. Кияк Т. Р. Лингвистические аспекты терминоведения. — К., 1989. — 104 с.
12. Кулиш Н. И. Методика создания интернациональной номенклатуры хирургических операций // Научно-техническая терминология. — 1984. — № 6.
13. Кулиш Н. И. Методика упорядочения терминологии в клинической лимфологии // Клиническая лимфология. — М.; Подольск, 1985. — 49 с.
14. Лейчик В. М. Оптимальная длина и оптимальная структура термина // Вопросы языкознания. — 1981. — Вып. 2. — С. 63–73.
15. Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика: Пособ. для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. — 2-е изд., испр. — М., 2000. — 206 с.
16. Пшеничникова Н. Н. Говор. Диалект. Наречие // Энциклопедия “Русский язык”. — М., 1997.

17. Сорокина Э. А. Когнитивные аспекты лексического проектирования (к основам когнитивного терминоведения). — М., 2007. — 234 с.
18. Швейцер А. Д. Социолингвистика // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. — М., 1990. — С. 481–482.
19. Швейцер А. Д., Никольский Л. Б. Введение в социолингвистику. — М., 1978. — 216 с.
20. Blommaert J. Language ideology // Encyclopedia of Language and Linguistics. — 2nd Ed. — Elsevier, 2006.
21. Busch B., Cillia R. Sprachenpolitik in Österreich. Eine Bestandsaufnahme. — Frankfurt / Main, 2005.
22. Fishman J. A. Sociolinguistics and the language problems of the developing countries // Fishman J. A. Ferguson C. A. & das Gupta J. (eds.) Language problems of developing nations. — New York, 1968. — P. 3–16.
23. Gorter D. Minorities and Language // Encyclopedia of Language and Linguistics. — 2nd Ed. — Elsevier, 2006.
24. Grenoble L. Endangered Languages // Encyclopedia of Language and Linguistics. — 2nd Ed. — Elsevier, 2006.
25. Griniewicz S. Terminology in the era of globalisation // Terminologija. — 2006. — № 13.
26. Griniow S. W. Language and Culture // Komparacja Systemów i Funkcjonowania Współczesnych Języków Słowiańskich. — Opole, 2000.
27. Haugen E. Planning for a standard language in Norway // Anthropological Linguistics, — 1959. — 1 (3). — P. 8–21.
28. Haugen E. Language conflict and language planning: the case of modern Norwegian. — Cambridge, 1966.
29. Haugen E. Linguistics and language planning // W. Bright (ed.) Sociolinguistics. — The Hague; Paris, 1966. — P. 50–71.
30. Jernudd B. (ed.) Language management and language problems: special issue of Journal of Asian Pacific Communications. — Amsterdam, 2001. — № 11:1 (Vol. 2).
31. Nesiiah K. The mother tongue in education and a language policy for Ceylon. — Colombo, 1954.
32. Neustupny J. V. 'Basic types of treatment of language problems // Linguistic Communications. — 1970. — № 1. — P. 77–98.
33. Prague School 'General principles for the cultivation of good language'. Garvin P. (trans.) // Rubin J. & Shuy R (eds.) Language planning: current issues and research. — Washington, D. C., 1973. — P. 102–111.
34. Rubin J. & Jernudd B. References for students of language planning. — Honolulu, 1979.
35. Sibayan B. Language policy, language engineering and literacy in the Philippines // Fishman J. A. (ed.) Advances in language planning. — The Hague, 1974. — P. 221–254.
36. Spolsky B. and Lambert R. Z. Language Planning and Policy: Models, in Keith. — 2005.
37. Woolard K. Introduction: language ideology as a field of inquiry // Schieffelin B. Woolard K. & Kroskrity P. (eds.). Language ideologies: practice and theory. — New York, 1998. — P. 3–47.

S. Grinev-Griniewicz

ON TERMINOLOGICAL ASPECTS OF LANGUAGE POLICY

Terminological aspects of a newly formed scientific discipline that is suggested to be named *linguopolitology* are analysed. The structure and the content of the new discipline are presented. It is stated that though there is an evident need in paying attention to terminological aspects of language policy and planning, at present there is lack of planning in questions of language development. However in terminology science a number of principles of enhancing development of special vocabulary are developed though there is small chance that they would be used in determining state language policy.

Key words: language planning, special vocabulary development, term design.